

Ссылка на перевод с фикбука: https://ficbook.net/readfic/5270886/13597459#part_content

“Откройся,” скомандовал Гарри, с ожиданием уставившись на выгравированную на кране змейку.

“Это не сработает, если ты не говоришь на змеином,” захихикала Миртл, паря непривычно далеко от безопасности ее кабинки.

“Я могу разговаривать со змеями,” оправдываясь ответил Гарри.

“Ну, вообще-то ты говорил по-английски. Кстати, я ведь не поблагодарила тебя за убийство монстра внизу,” Миртл смущенно улыбнулась “Ты мой герой, Гарри.”

“Ээ, спасибо, Миртл.” Он постарался не отодвигаться от привидения, когда она подплыла слишком близко. Он не любил, когда к нему слишком близко приближались. В этом было что-то, что несло чувство угрозы, вне зависимости живыми они были или мертвыми.

Представив в уме змею, наколдованную из огня, если быть точным, Гарри сделал вторую попытку. “Откройся,” повторил он. Кран вздрогнул и раковина сдвинулась, открывая вход.

“Вот! Совсем другое дело,” одобрительно воскликнула Миртл. Это был первый раз, когда Гарри увидел ее настолько счастливой, а ее экспрессия, честно говоря была весьма приятной.

“Для меня звучало одинаково,” признался Гарри. “Я не могу самостоятельно различить, когда я разговариваю на парселтанге.”

“Это был определенно парселтанг,” ответила по-прежнему веселая Миртл. “Это звучало также как и тогда,” ее лицо погруснело, “когда он пришел.”

“Прости,” извинился Гарри. “Я не хотел напомнить тебе об этом.”

“Ничего, Гарри. Не ты виноват в произошедшем. В любом случае я виню эту Оливию Хорнби больше, чем даже его.” Лицо Миртл стало олицетворением ненависти при упоминании заклятого врага ее школьных дней.

Он шагнул к трубе, с отвращением посмотрев на слизь внутри. Гарри уже и забыл о состоянии трубы. Когда они спускался прошлый раз это как-то не имело особого значения.

“Ты знаешь, там есть ступени.” Миртл зависла над входом, заглядывая в трубу. “Рыжеволосая девчонка, которая говорила его голосом вызывала ступени.”

Гарри скептически заглянул в трубу. Честно говоря, было сомнительно, что ступени поместятся там, но попытка не пытка.

“Лестница,” прошипел он, предположительно на парселтанге, поскольку труба сдвинулась в сторону, открывая весьма пыльную, темную лестницу.

Гарри направился вниз по следу маленьких отпечатков ног в пыли. Скорее всего они принадлежали Джинни. Сама мысль о том, как маленькая, стеснительная Джинни бродила здесь по пути к василиску под влиянием Тома Риддла была отвратительной и Гарри еще раз порадовался, что он пронзил тем клыком дневник.

Лестница привела к двери, которая была такой же, как и вторая дверь, встреченная им в его прошлый визит. Она открылась на его команду-шипение и он ступил в Тайную Комнату во второй раз.

Каким-то образом лестница вела к тому же самому входу, что и труба, что Гарри списал на магию. Если Салазар Слизерин был способен создать василиска, вывести его из яйца, вырастить его, и построить для него зал, то немного манипуляции пространством не будет для него чем-то сложным.

Кости хрустели под его ногами, когда он шел вперед, гораздо более уверенно, чем в прошлый свой визит. Шкура гигантской змеи по-прежнему валялась на полу, но ее зеленый отблеск выцвел и превратился в тусклый белый цвет. За исключением этого маленького изменения, тело василиска было совершенно неповреждено. Его яркая, ядовито зеленая чешуя была такой же переливающейся на свету, как и раньше.

Гарри с трудом оторвал взгляд от тела.

Как я вообще умудрился выжить, не говоря уже о том что убить этого монстра?

Змей был крупнее, чем он помнил. Шестьдесят футов были предположительной оценкой перепуганного ребенка. Гарри оценил его размер ближе к семидесяти или восьмидесяти. Его клыки были с локоть длиной и шириной с его руку у основания.

Действительно Король Змей.

Он был таким же, как и оба змея, которых он наколдовал, пусть и гораздо больше обоих.

Скользя кончиками пальцев по чешуе, он шел вдоль всей длины тела василиска, восхищаясь существом, которое он убил. Он почти пожалел об этом. Его внутренний Хагрид кратко явил себя, пока он не вспомнил для чего именно был здесь змей и жестко подавил его.

Остальной зал остался таким же, каким он его покинул: от змеиных статуй вдоль стен до

чернильного пятна на том самом месте, где воспоминание Тома Риддла встретило свой заслуженный конец. Он злобно покосился на черное пятно. При всей его одаренности и шарме что-то было в Томе Риддле, такое же нечеловеческое, как и в василиске, которого он натравил на других учеников.

Пройдя мимо чернильного пятна, он дошел до гигантского бюста в конце зала. Черты лица не выглядели особо злобными, или даже просто чем-то выдающимися. Если бы он встретил что-то похожее в менее впечатляющих обстоятельствах, Гарри бы даже не обратил на него внимания.

Разглядывая огромный образ Салазара Слизерина, он пытался вспомнить что точно говорил Том Риддл для того чтобы призвать змея.

“Говори со мной, Слизерин, величайший из Хогвартской четверки.”

Рот гигантского бюста открылся с каменным шорохом и на одну секунду Гарри испугался, что возможно он только что выпустил второго василиска, и будет вынужден повторить свой подвиг, но ничего не выползло изо рта основателя школы.

Долгое время царил тишина, поскольку Гарри рассматривал статую, пытаясь решить что делать, когда изнутри раздался далекий от восторга голос. “Что за дурацкий способ открыть дверь, к твоему сведению, она реагирует на любые команды на парселтанге.”

Услышав чужой голос в Тайной Комнате у Гарри ушло мгновение чтобы преодолеть свой шок. Он твердо напомнил себе, что кто бы это ни был, он не мог быть Томом Риддлом, поскольку тот был пронзен клыком василиска, но кем бы говоривший ни был, он насмеялся над фразой открытия, которую использовал Гарри.

“И нет,” загадочный голос продолжил весьма недовольным тоном, “я не буду с тобой разговаривать.” Гарри словно в стену врезался.

Не может быть, что это голос Салазара Слизерина.

Кто бы это ни был, ребячливый Салазар Слизерин или нет, Гарри просто не мог не пойти и не посмотреть на него. Хотя, он бы предпочел чтобы между ними не было небольшого озера.

“Мост,” нерешительно скомандовал он. Он уже смирился, что придется намокнуть, а потому был приятно удивлен когда весьма старый, каменный мост поднялся из бассейна.

Он был вырезан в виде змеиного языка, протягиваясь словно изо рта самого Слизерина.

С опаской он поставил одну ногу на раздвоенный кончик языка.

“О, сделай одолжение, входи,” снова раздался язвительный голос. “Я буду рад гостю, моей единственной компанией была эта сумасшедшая рептилия и мстительный ребенок с манией величия.”

Гордость не была одной из главных черт Гарри, но ему порядком надоело быть высмеиваемым этим чертовым голосом. Он решительно и быстро пересек язык-мост и вошел внутрь через рот Слизерина.

Это был рабочий кабинет. К тому же он порядком напоминал кабинет директора, вместе с полками с книгами, странными магическими инструментами и резной мраморной чашей, очень похожей на ту, что он часто видел в шкафчике Дамблдора.

“Застыл и уставился, точно как и другой до тебя.” Гарри развернулся кругом, с удивлением воззрившись на бесспорно древний портрет, который висел над дверью. На нем был изображен достаточно молодой, внушительно выглядящий волшебник, одетый в зеленую с серебром мантию, с какого-то вида змеей обвивающей его плечи, лишь немного ниже черных волос.

“Что ж, ты выглядишь психически здоровым,” задумчиво выдал портрет, “но последний тоже казался нормальным и посмотри, что с ним стало.”

“Кто ты такой?” Осведомился Гарри. Он был гораздо менее вежливым, чем обычно, но он считал это оправданным после комментариев картины, не важно кого Салазара Слизерина или нет.

“Портреты подписаны,” вздохнул черноволосый волшебник. “Я всегда ненавидел детей.”

“Салазар Слизерин,” прочел вслух Гарри. Затем, с большим любопытством, “если ты ненавидел детей, зачем тогда основал школу?”

“Потому что было не безопасно для магических детей изучать их искусство где попало. Или ты ничего не знаешь о сожжениях?” Сарказм исчез при упоминании сожжений, сменившись глубоким отвращением.

“Сожжение ведьм?” уточнил Гарри.

“Вроде того. На самом деле магглы не могли сжечь ведьм или волшебников, но они сожгли многих магических детей, увидев их первые проявления стихийной магии. Они сжигали детей живьем,” глаза портрета загорелись от ярости, “и они называют нас демонами. Хогвартс был убежищем для магических детей. Они учились контролировать свои силы и даже скрываться для своей собственной безопасности.”

“Так ты не оставил василиска в школе, чтобы он съел детей,” воскликнул Гарри.

“Она должна была спать, пока школа не подверглась атаке,” резко ответил Слизерин.
“Василиска очень сложно убить, особенно для тех, у кого нет магии. Если бы кто-нибудь посмел напасть на детей, она бы защитила их ценой своей жизни. Это прекрасно работало, пока мой последний гость не извратил мои команды для собственных целей.”

“Том Риддл,” пробормотал Гарри.

“Да. Василиски известны не только своей силой, но и преданностью. Она целиком посвятила себя своему создателю и моему приказу защищать детей от внешнего мира. Том Риддл,” выплюнул Слизерин, “исковеркал мое создание и натравил ее на детей, которые пришли из внешнего мира чтобы учиться здесь.”

“Тогда, хорошо что она мертва,” тихо сказал Гарри, жалея змею.

“Мертва?” Повторил Слизерин. “Кто умудрился убить ее?”

“Я,” вздохнул Гарри, сомневаясь что портрет поверит ему.

“Полагаю, ты мой наследник,” задумчиво протянул портрет, “ты должен быть могущественным.”

“Я не твой наследник,” твердо заявил Гарри. У него уже был целый год этого вздора.

“Ты разговариваешь на парселтанге,” очень медленно ответил ему Слизерин, словно разговаривая с идиотом. “Я создал эту способность и привязал к самому себе. Только мои прямые потомки могут разговаривать на нем, а поскольку у меня нет ни малейшего желания снова видеть Тома Риддла, это делает тебя моим наследником.”

“Извини,” смущенно пробормотал Гарри. “Вся школа в мой второй год обучения, когда василиск напал на учеников, думала так. Они обвиняли меня.”

“Не стоит их судить,” спокойно ответил Слизерин. “Ведь ты говоришь на парселтанге. Я полагаю, ты на моем факультете?”

“Вообще-то на Гриффиндоре.”

“Гриффиндор,” взорвался портрет. “Что мой потомок, мой наследник, делает на факультете этой безрассудной, слабоумной, недоразвитой подделки на волшебника? Единственной причиной, почему я построил эту комнату было то, что этот младенец в теле мужчины не мог не саботировать мои работы, и все что делала Хельга - это смеялась.”

Скептическое выражение лица Гарри привлекло внимание взбешенного волшебника и из

нарисованной волшебной палочки портрета полетели искры, напугав змею свернувшуюся кольцами вокруг его шеи. Она возмущенно зашипела и спряталась под мантией Слизерина.

“Ты думаешь он был благородным, храбрым героем?” Слизерин помотал в раздражении головой. “Этот волшебник так и не вырос из восемнадцатилетнего возраста. Он был исключительным трансфигуратором, очень талантливым и изобретательным, но с проклятым детским чувством юмора. Большую часть вещей, что он сделал в этой школе, на самом деле были сделаны мной и Ровеной, после того, как этот идиот поранит себя в очередной раз попытавшись зачаровать вещи излишне сложным способом.”

“Я весьма хорош в трансфигурации,” предложил Гарри в качестве объяснения своего Сортирования. “Шляпа тоже советовала Слизерин, но я выбрал Гриффиндор.”

“Почему ты сделал это?” Воскликнул Слизерин. “Кто захочет жить в башне, когда у них может быть вид на Черное Озеро?” Он достаточно быстро успокоился, пробормотав под нос несколько фраз о ребячливости Годрика и змея посчитала, теперь было достаточно безопасно, чтобы вернуться на свое место на плечах волшебника.

“Я Гарри Поттер,” представил он себя, сообразив, что он до сих пор не сделал это и протянул руку портрету.

“Салазар Слизерин, и я не могу пожать ее, но благодарен за попытку.” Гарри вдруг пришло в голову, что прошло довольно много времени и ему следует идти на завтрак, а может и бежать на урок.

“Кажется мне нужно идти на уроки,” сказал он древней картине.

“Сколько тебе лет?” Тот спросил, полностью игнорируя его заявление.

“Четырнадцать.”

“Твои глаза гораздо старше,” мгновение спустя ответил Слизерин. “Ты мой наследник, возвращайся когда пожелаешь. Моя библиотека и кабинет твои, при условии, что ты будешь аккуратным и не ребячливым как Годрик.”

“Спасибо,” серьезно ответил Гарри и ушел. Это действительно поможет ему совершенствовать себя, а так он не был сражен наповал откровением, что он был наследником Слизерина.

Мост в виде раздвоенного языка снова скрылся под водой бассейна, когда он пересек его и Гарри направился к лестницам, бросив напоследок расстроенный взгляд на бассейн. Он так хотел попробовать наколдовать василиска из воды, но и так уже опаздывал на урок Древних Рун.

Быстро шагая по школе в сторону классной комнаты его нового предмета, он увидел Гермиону покидающую Большой зал после завтрака, и понял, что прошло не так много времени, как он боялся. Помчавшись следом за ней к аудитории Древних Рун, он едва не сбил с ног Малфоя. Высокомерному слизеринецу пришлось подбирать свою сумку под ногами других учеников шедших по этому коридору. Гарри с удовольствием бы остался посмеяться над ним, но он предпочел бы не опаздывать на его первый урок, особенно учитывая что он сам выбрал этот факультатив.

Батшеда Бабблинг, действующий преподаватель по Рунам, к счастью полностью подтверждала свое имя среди стайки семикурсников (1) и Гарри проскользнул мимо нее, присоединяясь к Гермионе на первом ряду. Он бы предпочел сесть немного дальше от преподавателя, но ему бы пришлось все время отвлекать свою подругу по дороге к такому месту, чтобы добиться этого.

“С возвращением на Древние Руны,” полилась речь учительницы, едва она вошла в комнату. “К счастью мы все пережили третий курс и у нас даже появился новый ученик,” она указала на Гарри, “которого не надо представлять.”

В комнате поднялся шорох, поскольку все ученики повернулись посмотреть на него, на его шрам, и затем повернулись обратно к их жизнерадостной учительнице.

“Я надеюсь вы все приобрели экземпляр Магических Иероглифов и Логографов,” ласково сказала профессор Бабблинг. “Поскольку это наш первый урок в этом учебном году, я позволю вам освежить в памяти все что вам нужно, или можете начитать изучать материал этого года, пока я побеседую с Гарри и мы начнем в деталях планировать наш учебный год.”

“Гарри,” она весело улыбнулась, “не против присоединиться ко мне в моем кабинете?”

“Разумеется, профессор.” Гарри оставил свою и так уже прочитанную книгу и последовал за профессором в ее кабинет.

Это была небольшая, тесная комнатка, стены которой скрывались под слоями пергамента, наложенных один на другой. Гарри предположил, что профессор Бабблинг работает здесь над своими проектами, поскольку руны и записи покрывали всю поверхность пергамента, украшавшего стены разноцветными чернилами.

“Мой кабинет - это моя игровая площадка,” объяснила профессор весело помахав в сторону стен. “Так почему ты решил поменять факультативы на мой предмет?”

“Мне очень интересны руны,” искренне ответил Гарри, “особенно их применение в барьерах и, если быть честным, профессор Трелони слишком любила предсказывать мою смерть.”

“Ужасно,” воскликнула Бабблинг. “Я рада, что у тебя есть неподдельный интерес к моему предмету, у нас очень маленькая группа и обычно мы довольно быстро двигаемся по учебному

плану, так что те, кто не находятся на одном уровне с классом сильно отстанут.” Она зачарованно смотрела на комбинацию рун украшавших стену рядом с головой Гарри. Это было немного неуютно, но предпочтительнее разглядывания его шрама.

“Вернемся к уроку,” улыбнулась она. “Не переживай, не буду распространяться о твоём отношении к профессору Трелони, между нами говоря, я никогда не тратила время на столь неточный и неопределенный предмет, как прорицания.”

Гермиона весь урок провела углубившись в книгу, вглядываясь в страницы в какой-то степени забавно напоминающей ему ее самую не любимую учительницу прорицаний. Тем временем Гарри тихо листал страницы его собственного экземпляра, с нетерпением ожидая когда закончится день, чтобы он мог вернуться к Тайную Комнату. Терпеть болтливый портрет Слизерина не было большой ценой за то, что он мог выучить там.

“Что хотела профессор Баббллинг?” Спросила Гермиона, когда закончился урок.

“Она просто хотела узнать, почему я перевелся на Древние Руны и предупредила, что класс быстро продвигается.”

“Мы быстро двигаемся,” согласилась Гермиона, “но если ты уже опережаешь учебный план по трансфигурации, тогда у тебя достаточно времени, чтобы догнать Руны.” Ее улыбка ему была почти гордой. “Так почему ты перевелся?”

“Я же говорил тебе. Я устал выслушивать как я умру каждый урок.” Не то, чтобы Гермиона могла протестовать против его решения бросить прорицания. В конце концов, она в буквальном смысле слова демонстративно бросила предмет посреди урока.

“Время Нумерологии,” сказала она, копаясь в своей сумке. “У меня есть конспекты за прошлый год. Я подумала, что тебе они пригодятся, если ты захочешь просмотреть чем мы занимались.”

Гарри с благодарной улыбкой принял их. Они не были особо нужны ему, и он бы предпочел ее конспекты по Древним Рунам, которые были очень полезными, но конспекты по Нумерологии позволят ему не тратиться на книги, если он вдруг что-то забыл.

Септима Вектор, учительница по Нумерологии, очень сильно напомнила Гарри его учительницу по математике из маггловской школы. У нее была такая же аура аккуратности и логичности, и он легко мог представить ее взвешивающей каждый возможный вариант прежде чем принять решение.

Откровенно говоря, начало было довольно разочаровывающим. Гарри ожидал увидеть все, о чем он читал летом, но как оказалось, большая часть вещей, которые он хотел узнать лишь мельком упоминались до СОВов. Продвинутая Нумерология была предметом, который он бы очень хотел изучать, потому что он устроился на своем месте и смотрел, как Гермиона радостно работает над заданиями.

“Почему не занимаешься?” Спросила она, когда по прошествии некоторого времени увидела его разрисовывающим концы учебного пергамента.

“Это не тот тип Нумерологии, в котором я особенно заинтересован,” признал он. “Я много читал этим летом, но все что я хочу узнать не преподается до СОВов.”

“Продвинутая Нумерология считается одним из самых сложных предметов,” с сомнением ответила Гермиона. “Ты уверен в этом?”

“Разумеется. Это просто основы для теории любого приемлемого зачаровывания или создания барьеров. После СОВов она охватывает более сложные и интересные вещи. Двухмерные уравнения бесполезны для описания магических схем, когда любая магия используемая для барьеров или зачаровывания будет создаваться в реальности, а значит будет трехмерной структурой.”

Гермиона застыла в нерешительности и кажется задумалась над тем, что он сказал. Гарри возгордился, что смог сказать что-то, что заставило ее надолго задуматься. Не многие учителя могли похвастаться таким достижением.

“Полагаю, это имеет смысл,” согласилась она, “но тебе по-прежнему нужно знать текущий материал.”

“Я уже знаю достаточно, чтобы сдать тесты, до тех пор пока профессор Вектор не выдаст более сложные задания,” ответил он. Гарри придвинулся и заполнил ответами все задачи на ее пергаменте. “Видишь, легко.”

Гермиона бросила на него сердитый взгляд и стерла его ответы, чтобы самой выполнить задания. Гарри вернулся к рисованию.

Он как раз закончил вырисовывать чешую на голове его нумерологического василиска, когда урок закончился.

Гермиона весьма угрюмо ела свой обед рядом с ним, но он не был уверен, была ли она сердита на его неожиданные таланты в Нумерологии или потому, что он написал на ее работе. Она ненавидела, когда кто-то пишет на ее конспектах. Было хорошо известно, что простейшим способом разозлить Гермиону Грейджер - это написать что-то в ее конспектах, а еще хуже - в ее эссе. Гарри подозревал последнее, он не был лучше ее в том, что они изучали на текущий момент, просто он немного опережал расписание.

Рон был таким же подавленным и все еще сонным.

“Прорицания - абсолютный ад без тебя, дружище,” пробормотал он. “Мне пришлось работать с Лавандой. Она была такой восторженной. Это было совсем не весело.”

“Какой у тебя гороскоп?” Иронично спросил Гарри.

“Ну, я не умру, так что это превосходит все, что у тебя было. Лаванда упомянула что-то связанное с огнем и вейлами, но думаю, что она разговаривала с Парвати о Кубке Мира.”

“Ты проспал весь урок, не так ли,” с сочувствием заключил Гарри.

“Там так тепло и душно,” пожаловался Рон. “Я не понимаю, как народ вообще умудряется не заснуть.”

“История магии следующая,” вмешался Невилл, “ни у кого нет необходимости просыпаться. Даже моя бабушка говорит, что предмет - пустая трата времени, пока Бинс преподает его.”

“Знаешь, говорят, его тело все еще лежит в его кабинете, где он умер и он продолжил учить в виде привидения,” весело сказал им Симус.

“Разве привидениям не нужна причина для того чтобы задержаться на этом свете?” Спросил Рон у Гермионы.

“Может быть он не закончил оценивать эссе,” хихикнул Симус, когда Гермиона не ответила.

“Как он вообще оценивает наши эссе?” Задумался вслух Дин. “Он же не может физически к ним прикоснуться, не так ли?”

“Может быть именно поэтому он не замечает, что мы ничего не сдаем,” расплылся в улыбке Рон.

Как и обычно, большая часть класса спала на лекции Истории Магии. Гарри был уверен, что в те несколько раз, когда он поднимал взгляд от книги по продвинутой трансфигурации, Биннс обращался к классу находясь внутри стены. Он покачал головой. Дать преподавать привидению было плохой затеей.

Даже Гермиона не обращала внимания на урок. Она предпочла использовать время, чтобы начать эссе, заданное Бинсом, вместо того, чтобы слушать его голос, раздающийся из стены, о схватках в туннелях гоблинов.

Не то чтобы Гарри осуждал ее. Он отрывался от своей книги только для того, чтобы пихнуть Рона локтем, когда тот начинал слишком громко храпеть.

Теория в книге, Руководство в Продвинутой Трансфигурации, была увлекательной и книга стоила того, чтобы купить ее в “Флориш и Блоттс” за пару лет до того, как они начнут проходить ее в классе. Однако, человеческая Трансфигурация не была чем-то, с чем он начнет

экспериментировать. Строгого предупреждения в предисловии об опасности быть заключенным в его ново-трансфигурированной форме, если что-то пойдет не так, было достаточно, чтобы убедить его. Гарри был весьма заинтересован в твердом знании теории, стать анимагом, как и его отец и Сириус все еще учась в школе было заманчивой перспективой, но предупреждение об опасности порядком ослабило это желание. Скорее всего ему придется все эксперименты проводить в Тайной Комнате, чтобы Гермиона не поймала его за ними и не рассказала профессору МакГонагалл. Их учительница Трансфигурации наверное наградит его баллами, прежде чем исключить его за безрассудное поведение.

Займусь этим позднее, решил он и поменял книгу на экземпляр “Лицом к лицу с Безликим.” Ему крайне необходимо было выучить прикладные дуэльные заклинания. Гарри не мог наколдывать змеев каждый раз, когда оказывался в трудном положении. Честно говоря, он бы предпочел никогда этого больше не делать, потому что как только кто-нибудь увидит его за этим делом, он будет опять провозглашен Наследником Слизерина.

И я даже не смогу отрицать этого.

В его новой книге была хорошая выборка проклятий и контр-проклятий, большая часть которых была весьма продвинутой и включала мерзкое, пурпурного цвета заклинание, которым его атаквали. Ласеро было словесной формулой весьма мерзкой модификации режущего заклинания, которое предназначалось для плоти, а не для неодушевленных предметов. Это не было тем, что Гарри бы применял, за исключением самых сложных обстоятельств.

На последних страницах книги Гарри нашел раздел с Непростительными проклятиями, включая Круциатус, которым его приложили на Кубке Мира. Это было проклятие, которое он всеми силами будет избегать в будущем. Ничто не сравнится с чувством, когда каждый нерв горит в агонии. Гарри подумал, что магические дети упомянутые Слизерином чувствовали подобное и содрогнулся от этой мысли. Это почти оправдывало создание василиска.

Проклятие Империиус, описанное на странице, заинтриговало его. Это было единственным Непростительным, против которого можно было защититься, даже если это и требовало сильной воли. Книга говорила, что практика поможет с отражением проклятия, но Гарри сильно сомневался, что любой из его друзей согласится помочь ему и будет кидать в него это проклятие.

Нужно быть сумасшедшим, чтобы рисковать быть пойманным за применением этого проклятия. Оно, как и все Непростительные, гарантировало пожизненное заключение в Азкабана за применение на другом человеке.

Он был очень близко знаком с последним представителем трио Непростительных. Он машинально провел по своему шраму на лбу, вспоминая сны, которые всегда заканчивались одним и тем же. Вспышкой яркого зеленого света.

“Авада Кедавра,” очень тихо прошептал он. Ему было не нужно, чтобы кто-то услышал как он повторяет словесную формулу этого заклинания. Довольно жутко, но эти слова были самыми

первыми словами которые помнил Гарри. Дементоры заставили его вспомнить все, что он слышал до проклятия, но словесная формула навсегда застряла в его памяти. Он отстраненно вспомнил попытки поправить фокусника на одном из дней рождения Дадли, когда он был гораздо младше. Это было весьма выбивающее из духовного равновесия воспоминание, как он теперь считал.

<http://tl.rulate.ru/book/50582/1264211>